

При упоминании этого Се Хуа сразу же разозлился и с раздражением ответил:

— Да, да, да. Се Жунцзяо молод, он считает, что в мире должно быть четкое разделение на добро и зло, что добро будет вознаграждено, а зло наказано. Святой, вы ведь видели больше, чем он, не так ли?

Если бы он оказался на месте Се Жунцзяо, он тоже не стал бы сговариваться с Западной Пустошью. Разве не лучше было бы спокойно оставаться наследником Фэнлина, изредка совершая благородные поступки для укрепления своей репутации?

Разве в мире так много справедливости, как он думает? Большинство людей, неспособных отомстить, лишь полагаются на опиум, чтобы заглушить свою боль и продолжать жить.

Разве в мире так много удачливых, как Се Жунцзяо, для которых все всегда ясно и понятно?

Некоторые рождаются на вершине, и для них достаточно одного слова, чтобы получить звезды или луну. Для них всегда найдутся те, кто готов подставить лестницу и проложить путь, боясь, чтобы они не упали даже на йоту.

Ученики академии снова были шокированы его логикой и на мгновение потеряли дар речи.

Что поделаться, ведь они привыкли рассуждать здраво.

Ректор академии тихо пробормотал:

— Похоже, я прожил свою жизнь зря.

Кузнец сильно хлопнул его по плечу:

— Если смотреть на это так, то кто из нас не прожил зря, брат?

Се Хуа сдерживал злость в груди:

— Я знаю свои пределы. Се Хуань считает меня собакой Се Тинбая. Святой, вы никогда не смотрели на меня с уважением. Но Се Жунцзяо другой, он драгоценен, и если у него упадет хоть один волос, вы все будете переживать. Почему бы просто не дать мне шанс?

Се Жунцзяо холодно ответил:

— Твоя жизнь не хуже моей.

Опять его бессвязные слова, которые ни к чему не приводят.

Цзян Цзинсин, однако, понимал его и спокойно объяснил:

— Ацы, конечно, драгоценен. Если у него упадет волос, я, конечно, буду переживать. Но и твоя жизнь важна для нас обоих.

Он усмехнулся:

— Сколько жизней ты на своей совести, разве это не тяжело? Твоя жизнь — это жизнь, а их — нет? Как ты можешь жить с таким грузом на душе?

Все присутствующие почувствовали облегчение.

— А если я отпущу тебя, Ацы точно разозлится.

Тогда он не сможет жить спокойно ближайший год, не говоря уже о том, чтобы наслаждаться роскошью. Если он не будет спать под открытым небом и питаться ветром, это уже будет поводом для радости.

Цзян Цзинсин с грустью подумал об этих перевернутых отношениях учителя и ученика:

— Я не хочу видеть Ацы злым и не собираюсь его злить.

Он подумал, что Се Хуа слишком много натворил, и решил просто ударить его так, чтобы он не проснулся даже в Фэнлине.

— Я, Шэнь Си, клянусь своим путем совершенствования, призываю Небо и Землю в свидетели, что никогда не раскрою тайну Истинного пера Феникса, о котором говорил Се Хуа. Если я нарушу эту клятву, мой путь будет разрушен, а дантянь уничтожен.

Возникло странное ощущение, как будто Небо и Земля услышали его клятву и запечатлели ее.

После того как Се Хуа потерял сознание, все присутствующие долго смотрели друг на друга.

Первым заговорил Шэнь Си.

Никто не ожидал, что его первыми словами будут не обсуждение дела демонического культиватора или наказания Се Хуа, а клятва.

После произнесения клятвы Шэнь Си больше ничего не сказал.

У него не было такой глубокой связи с Се Жунцзяо, как у тех, кто долго учился вместе.

Но они сражались однажды.

По мечу можно судить о человеке.

Ученики академии, знакомые друг с другом, обменялись взглядами и решили.

Подобные клятвы, как у Шэнь Си, одна за другой звучали в зале городской управы, падая на мягкий ковер с четким и сильным звуком.

Ректор вздохнул:

— Действительно, я уже стар.

В его вздохе была грусть о прошедших годах, но больше — удовлетворение.

Молодежь перед ним была самой горячей кровью этой земли, которая в конечном итоге потечет по своим руслам, как это делали их предки, поддерживая страну.

Ученики академии не мечтали о том, чтобы стать опорой страны. Их мысли были просты:

Если мы стояли в одной очереди за едой, значит, мы однокурсники.

Даже если бы они не были однокурсниками, они не должны были раскрывать эту тайну.

Ради своих принципов и того, что они считали справедливым.

Меч Чжэньцзяншань с грустным звуком вышел из ножен, острое прорезало ладонь Се Жунцзяо, его голос был ледяным:

— Я, Се Жунцзяо, призываю Небо и Землю в свидетели, клянусь, что Се Хуа получит заслуженное наказание. Если я нарушу эту клятву, мой путь будет разрушен, а моя сила исчезнет.

Он взглянул на шокированных учеников академии, и в его глазах впервые появилась тень улыбки, как будто весенний ветер растопил лед, а цветы растаяли снег:

— Это то, что я должен сделать.

Вы делаете то, что должны, не ожидая моей благодарности.

Я делаю то, что должен, не ожидая вашей благодарности.

Все просто, нечего больше говорить.

Дело о сговоре Се Хуа с демоническими культиваторами было важным для Фэнлина, а также имело значение для всего Южного региона и даже всего мира.

После обсуждения Се Жунцзяо и Цзян Цзинсин решили сначала отвезти Се Хуа и Лу Бинфэнь в город Фэнлин, а затем потребовать от Се Хуаня, главы семьи Се, объяснений.

Ректор, услышав это, улыбнулся:

— Отлично, отлично, наконец-то я избавлюсь от постоянных жалоб учителей, которые не перестают твердить мне в уши.

Учителя, видимо, были крайне недовольны тем, что он позволил Се и Цзяну войти, особенно когда увидели их ужасные домашние задания и поведение на уроках. Это недовольство вылилось в жалобы в кабинет ректора, а те, кто был более вспыльчивым, прямо ругали его в лицо, а более терпеливые медленно излагали свои аргументы.

Порог, который не менялся десятилетиями, за несколько дней начал показывать признаки износа.

— Я думаю, Се Хуа неправ.

Цзян Цзинсин сказал:

— Он несет какую-то чушь, как будто я, с таким трудом достигший этапа Святого, не смогу защитить своего ученика. Разве это просто птичье перо? Если уступать во всем, тогда зачем я вообще стал Святым? Лучше бы я сразу покончил с собой, чтобы не позорить предков.

Не знаю, воскреснет ли Феникс от его описания Истинного пера Феникса и убьет ли этого неуважительного потомка.

Он улыбался, его лицо было ярким и беззаботным, как у молодого человека, и в его глазах отражались весенние горы и солнце, которые, казалось, расширяли сердце.

Се Жунцзяо немного расслабился и серьезно ответил:

— Се Хуа действительно неправ.

Он подумал и добавил:

— Жаль, что он не доживет до того дня, чтобы увидеть, как его слова обернутся против него.

Цзян Цзинсин громко рассмеялся.

Когда они увидели ситуацию за пределами Фэнлина, он засмеялся еще громче.

Они тащили с собой двух обуз, и лететь на мечях было невозможно. К счастью, их повозка была запряжена четырьмя отличными скакунами, гоняющимися за ветром, и на ней были выгравированы магические символы, облегчающие вес, так что скорость была почти такой же, как у скакунов. Дорога из Янчэна в Фэнлин занимала всего один день.

У ворот Фэнлина стоял молодой человек в зеленом одеянии, не входя и не выходя, что выделяло его из толпы.

Естественно, это привлекло внимание стражников Фэнлина.

Но стражники, увидев, что молодой человек был красив и выглядел как изысканный ученый, не стали вмешиваться, так как он не совершал никаких действий.

Из повозки раздался голос, полный злорадства:

— Как это так, что Лу, заместитель командующего армией Гуйюань, оказался заперт у ворот Фэнлина? Как жалко.

Не дав Лу Биньвэю опомниться, голос продолжил:

— Дай угадаю. Неужели Лу Юю срочно покинул лагерь армии Гуйюань на юге и не смог предъявить пропуск стражникам, а из-за недостатка силы не смог перепрыгнуть через ворота, поэтому стоит здесь?

Хотя это было его собственное предположение, Цзян Цзинсин угадал почти точно.

Святой сразу же попал в самую больную точку Лу Биньвэя.

Возможно, потому что ему нужна была помощь Цзян Цзинсина, Лу Биньвэй не стал возражать, лишь с натянутой улыбкой ответил:

— Что вы, Святой. Я специально пришел к вам, я предвидел, что встречу вас у ворот Фэнлина, и потому терпел ветер.

Цзян Цзинсин с пониманием кивнул:

— С твоим уровнем совершенствования, ты действительно слаб, как тростинка. Терпеть ветер полдня — это для тебя испытание.

Другой, более спокойный голос вмешался, чтобы предотвратить драку у ворот, которая могла бы закончиться в городской управе:

— Если старший брат Юю пришел, значит, у него есть важное дело. Давайте обсудим это в повозке.

Лу Биньвэй, чье имя было Юю, любил, когда Се Жунхуа называл его Лу Юю, но из-за силы Се

Жунхуа он не мог протестовать.

Когда Цзян Цзинсин узнал об этом, он тоже начал называть его Лу Юю, чтобы раздражать Лу Биньвэя.

В итоге из четверых только Се Жунцзяо продолжал называть его старшим братом Юю.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16198/1453540>